

Ихо Арво

13.11.92

АРВО ИХО:

Культура. - 2002 - 6-13 нояб. - с. 10

У мужчины есть потребность испытать себя

Арво ИХО нынешним летом показал свой фильм "Сердце медведицы" на Московском кинофестивале. Затем — на "Киношоке" в Анапе, в Баку на фестивале "Восток-Запад", где нам и удалось с режиссером побеседовать. До этого были картины: "Игры для детей школьного возраста" (совместно с Л.Лаусом), "Наблюдатель", "Только для сумасшедших". Арво ИХО производит впечатление человека основательного, сильного, как принято говорить, настоящего эстонского парня — природного, знающего о силах земли не понаслышке. Он не похож ни на одного известного мне режиссера.

— Сергей Бодров-старший недавно снял фильм "Медвежий поцелуй", где роль медведя, превращающегося в человека, и наоборот, сыграл его сын Сергей Бодров-младший. И ваш герой в "Сердце медведицы" приближается к этому состоянию, любит женщину, которая трансформируется в зверя. Когда двое идут к одной теме — это уже неслучайно...

— Идея родилась в 1991 году, а в 89-м вышел роман "Сердце медведицы" Николая Батурина, который привлек меня своим отношением к природе. Роман огромный — 540 страниц. И мы решили снимать сериал. В течение трех лет я ездил по Сибири, начал с тех мест, где Батурин 15 лет был профессиональным таежным охотником. Меня привлекло мифологическое мироощущение таежных людей — хантов, манси, эвенков, ненцев. Наши эстонские сказки и легенды имеют похожее отношение к медведю и волку. Меня давно интересуют и такие вещи, как сновидения. Таежные люди и индейцы, с которыми я подружился в Северной Америке, внимательно относятся к тем предзнаменованиям, которые даются человеку во сне. Этот мифологический и подсознательный материал я и хотел оформить в своем фильме. Можно сказать, что это даосистская идея: все слабое, мягкое, в конце концов побеждает жесткое и твердое. Самого грубого, крепкого и воинственного мужчину формирует женщина.

Снимали мы в итоге не в Сибири, а на Северном Урале, где есть сибирская атмосфера, те же виды деревьев и зверей, но это на 3,5 тысячи километров ближе к Эстонии. Я больше всего хотел бы показать свой фильм оленеводам из Саранпауля, потому что, живя в тайге, эти люди никогда не видели кино и впервые с ним столкнулись благодаря нашей съемочной группе.

— Насколько в эстонцах сильно природное начало, насколько оно составляет понятие "эстонский характер"?

— Эстонцы до сих пор остались язычниками, близки к природе. Это крестьянский народ. Только за последние сто лет народился городской эстонец. Немцы в исторических хрониках называли нас людьми земли.

— Актер Райн Симмунд наверняка получает награды не оттого только, что ему роль удалась и актер он хороший, но потому, что с ним вы попали в точку, воплотил некий мужской тип, потребность в котором сильна...

— Я искал на главную роль артиста, который был бы по-мужски крепок и красив, обязательно нравился бы женщинам. А им, я заметил, по душе мужчины неболтливые, внимательные. Мой герой — романтический молодой человек, приехавший в Сибирь, для того чтобы испытать себя, пережить приключе-

ние. Я знаю многих молодых мужчин, которые отправляются в Сибирь не во имя каких-то прагматических вещей, а ради сильных чувств, стремления испытать настоящую охотничью жизнь. У мужчины есть потребность испытать себя. Это как зов.

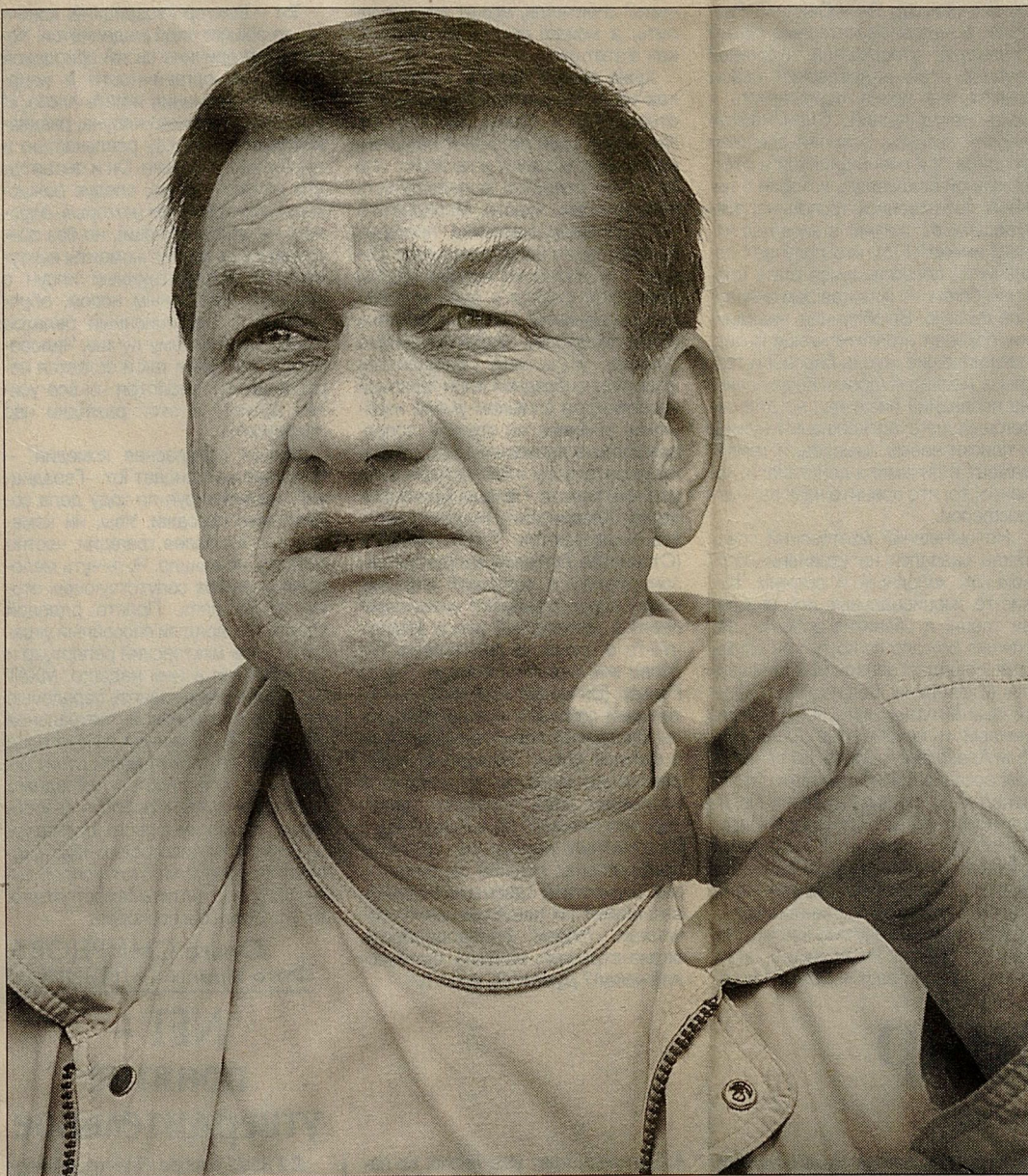
Я не первую свою картину снимаю в Сибири, а в тех краях особое чувство рождается оттого, что смерть ходит с тобой рядом. Если ты что-то неправильно делаешь, то можешь замерзнуть, не знаешь повадок зверей — так они тебя разорвут. Не умеешь ориентироваться в погоде, предвидеть то, что в ней произойдет через несколько часов, — попадешь в пургу и пропадешь. Человек должен изучить внешний мир и свою психику, потому что один из самых серьезных вызовов — одиночество. Зимой, в большие холода — за минус сорок, а я сам пережил минус пятьдесят два, тайга молчит: ветра нет, птицы зарылись в снег, полная тишина. Вот тогда-то и проявляются некоторые психологические странности. Человек начинает сам с собой разговаривать, обнаруживать в себе звериные качества, невероятную похоть.

— Вы верите в знаки природы, предзнаменования?

— Не просто верю, я их испытывал. Приходилось спать под открытым небом в Западных Саянах. У меня сложились хорошие отношения с потомственными охотниками, со стариками-хантами, которые многому научили: как себя вести среди живой природы, как распознавать дерево, способное помочь, как не оставить слишком много следов. Надо быть внимательным и вежливым по отношению к природе, ведь тайга — это дом, а не отчужденное пространство. У хантов, например, по три дома — зимний, осенний и летний. Ритм жизни задают смена времен года и поведение северного оленя. Когда становится жарко, оленка ведет себя агрессивно, — олень поднимается в горы. Вслед за ним и таежные люди следуют туда. Рыба поднимается к верховьям рек — они тоже. Ритмы природы, о которых городской человек ничего не знает, становятся главными.

Свою картину "Наблюдатель" я снимал когда-то на Кольском полуострове, на Белом и Баренцевом морях. Всегда один ездил на выбор натурой. Тогда-то и познакомился с 82-летней бабкой Марьей. Эта молодая женщина одна ходила на лодке в море и единственная в деревне никогда не возвращалась без улова. Бабка Марья рассказывала мне, что знает древнюю ворожбу, которую нужно произносить перед тем, как идти на рыбу. Это своего рода молитва, поклон природе и объяснение, почему ты убиваешь рыбу. Бабка Марья подарила мне зуб медведя.

Перед тем как допустить актера до съемок в "Сердце медведицы", а сцен такого соприкосновения акте-



А.Ихо

ра и живого зверя лицом к лицу вы больше не увидите ни в одном фильме, я сам в течение трех недель работал с медведем в непосредственном контакте. Он меня проверял, а не я его. Это был медведь не цирковой, а просто выросший с людьми, относившимися к нему как к одухотворенному существу. До того я 12 других медведей посмотрел. С цирковыми ничего не получилось. Пробовал и охотничьих, на которых натаскивают охотничьи лаек. Они нервные, хулиганистые, две пары броек на мне порвали. Я их боялся. А вот наш Малыш Добрыня — огромный: ростом 2 метра 70 сантиметров, весит 480 килограмм. У него когти 12 сантиметров. Такого крупного зверя в жизни не видел. Когда он приподнялся в своей клетке, где помещался только по диагонали, я увидел, что его башка шире моих плеч. Медведь посмотрел мне прямо в глаза, чего допускать нельзя, поскольку это провоцирует зверя на агрессию. Но я не почувствовал в тот момент страха, а подумал о том, что передо мной — красивый человек. Поверьте, я ничего не выдумываю.

Говорят, что по отношению к медведю не следует делать трех вещей: смотреть ему прямо в глаза, поворачиваться спиной и убегать. Он все равно настигнет, так как бе-

жит со скоростью 80 км в час. Но Малыш взял мои руки, понюхал, потом голову, облизал мое лицо. Я стоял, словно замороженный, и доверился ему. Оказалось, что стоящий за мной хозяин медведя был в холодном поту и, когда Малыш отпустил меня, осел на пол. Теперь можно было работать. Рос я в деревне, и рядом всегда были животные. Когда отец выпивал и намеревался меня побить, я убежал к корове и возле нее спал. Медведь гораздо интеллигентнее, чем люди думают. Он тонко чувствует настроение человека. Тут же улавливает то, что ты пытаешься показать, что не боишься его, а на самом деле боишься.

— У вас не возникает ощущения, что каждая картина, как последняя, в силу того, что кинопроизводство не в поре расцвета?

— Нет, такого чувства нет. Основные деньги мы получили от государства, от Эстонии. "Ленфильм" предоставил кинокамеру, оптику и осветительные приборы на 80 процентов. Монтаж делали в Таллине. Чехи предоставили лабораторную проявку и звуковой постпродакшн. Шесть процентов бюджета составили немецкие деньги. А бюджет наш — 780 тысяч долларов.

Мы запускались как сериал — 5 серий по 52 минуты и параллельно

хотели сделать киноверсию на 2 часа 20 минут. Но наш партнер из Коми нас подвел, и видно не нас одних, потому его и посадили в тюрьму. Производство приостановили, и мы 10 с половиной месяцев искали новых партнеров. Нашли на Берлинском кинофестивале, где показали десятиминутный клип на основе отснятого материала. Когда стало понятно, что денег на сериал не хватит, я раз пять сценарий переписывал.

К картине в Эстонии в официальных кругах и среди критики — негативное отношение. Объяснение в том, что в моих фильмах всегда присутствует русская речь, что я всегда показываю жизнь шире, не ограничивая ее рамками Эстонии, относясь критически к провинциальной замкнутости как таковой. Как ни странно, "Сердце медведицы" побито в Эстонии все рекорды. Успешно конкурировало с самыми громкими американскими хитами. Только "Шрек", "Властелин колец" и еще какой-то боевик обошли ее по сборам. А ведь всегда считалось, что эстонская картина не может сделать кассу. Наш фильм собрал 24 тысячи зрителей.

— Бывало так, что кино не являлось для вас основным занятием?

— Моя предпоследняя картина "Только для сумасшедших" с Марга-

ритой Тереховой была сделана 10 лет назад. Она вызвала критическую бурю: почему русская героиня и актриса русская в главной роли? После скандала вокруг фильма я уехал в США на полгода. Изучал там антропологию, сам вел семинары по кино тоталитарных государств в университете штата Монтана. Я владею свободно четырьмя языками — эстонским, финским, русским, английским. И на итальянском могу общаться. Так что языковых преград не было. Вернувшись в Эстонию, с удивлением обнаружил, что наши молодые люди отказываются учиться в России. И тогда я организовал киношколу в Эстонии. В педагогическом институте была создана кафедра кино и телевидения. Я составил учебную программу, нашел учителей и деньги на Западе. В течение четырех лет занимался преподавательской деятельностью, а во время каникул снимал документальные фильмы. Занимался и занимаюсь фотографией. У меня довольно много авторских фотовыставок было в Эстонии, Москве, Америке, на Шри-Ланке: "Ханты на Оби", "Прибрежная Эстония", "Культура староверов Эстонии", "Кинематографисты Эстонии", "Вокруг дерева Бодхи". Бодхи — священное дерево буддистов, а снимал я на Цейлоне.

Сделал в качестве оператора дипломную работу своему студенту и детскую картину одному начинающему режиссеру — чтобы не терять операторскую квалификацию. Я ведь по первому образованию — столяр-краснодеревщик, а по второму — оператор. Можно сказать, что я — профессиональный фотограф и как-то случайно стал режиссером. Когда-то разочаровался в операторской работе. Это было сильное эмоциональное переживание: вкалываешь весь год, вкладываешь в это душу, а получается не фильм, а полная ерунда. И я решил уйти из кино. Сразу же нашел себе применение — сделал фотовыставку "Блюз каменного города". Я люблю джазовую музыку. В школьные годы и сам играл в джазе. Вот и сделал серию фотографий о своих друзьях-джазменах: запечатлел их концерты, семейную жизнь, среду — каменный город, новые районы Таллина. Старался в фотографии передать динамику джаза с его грустью и эротикой. Получилось нечто пограничное между кино и фотографией.

Поскольку лучшие годы жизни я потратил на преподавание, то сейчас у меня огромное желание снимать свое кино. Готово два сценария, и надеюсь зимой с ними запуститься. После такого большого проекта, как "Сердце медведицы", решил сделать простой и человеческий фильм, почти камерный. Меня всегда более всего интересуют отношения мужчины и женщины, то, как люди разных культур понимают или не понимают друг друга. Человек — это ведь больше чем просто русский или эстонец, хотя и должен он питаться своими корнями и национальными традициями. Но я считаю плохими те фильмы, которые сделаны только для эстонцев или только для русских. Надо снимать для людей.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ